

В. М. Аллахвердов

ПСИХИКА И СОЗНАНИЕ В ЛОГИКЕ ПОЗНАНИЯ (ДОКЛАД)¹

В докладе констатируется, что феномен сознания до сих пор не имеет в психологии внятного объяснения: никто не знает, ни как сознание возникло, ни что оно делает. Рассматриваются различные версии объяснения, предлагаемые в истории психологии, и обсуждается, почему они в принципе не могли привести к успеху. Показывается, что отказ от объяснения (в бихевиоризме) выхолащивает психологию, лишая ее возможности построить хорошую теорию. В качестве альтернативы высказывается позиция радикального когнитивизма: психика и сознание должны объясняться логикой познания. Описывается, при опоре на эту логику, почему психика и сознание являются необходимыми инструментами познания. Выражается надежда, что именно на таком пути психология сможет, наконец, стать логичной наукой.

Ключевые слова: психика, сознание, познание, логика, эмоциональные сигналы, осознанность, история психологии.

V. M. Allakhverdov

THE PSYCHE AND CONSCIOUSNESS IN THE LOGIC OF COGNITION

In this article we argue that phenomenon of consciousness still has no clear explanation. No one knows where it comes from or what it actually does. We describe different explanations of consciousness that arose throughout the history of psychology and discuss why they are likely to be a dead-end. It is shown that denying an explanation (as it is done in behaviorism) emasculate psychology, leaving it unable to present a good theory. As an alternative we suggest a view of radical cognitivism: psyche and consciousness should be explained by a logic of cognition. Such logic allows us to construe why psyche and consciousness are necessary tools of cognition. We express our hope that it is the path that will help psychology become a logical science.

Keywords: psyche, consciousness, cognition, logic, emotional signals, awareness, history of psychology.

Как ни странно, но самые важные термины нашей науки — психика и сознание — являются самыми загадочными. А. Н. Леонтьев в середине XX в. назвал сознание центральной тайной человеческой психики. В самом конце века в уважаемом словаре по психологии сказано: «Сознание — удивительный, но ускользающий феномен. Невозможно уточнить, ни что оно такое, ни что оно делает, ни почему эволюционировало. Ничего путного о нем не написано». В современной российской психологии, правда, многие стараются сделать вид, что проблемы нет, и извлекают из памяти туманные конструкции типа «Сознание — высшая форма отражения». Однако при этом никакого критерия высоты формы не задают. Как, например, решить: у лунохода, умеющего замечать препятствия, вычислять, как их лучше обойти, реагирующего на изменение условий среды, умеющего взаимодействовать с другими луноходами и т. д., — это уже высшая форма отражения или еще не очень? Под формой на самом деле имеют в виду содержание, ибо чаще всего

Аллахвердов Виктор Михайлович — доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; vimiall@gmail.com

Allakhverdov Viktor Mikhaylovitch — Doctor of Psychology, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vimiall@gmail.com

¹ Текст доклада. Поддержано грантом РФФИ № 14-06-00302а (рук. — В. М. Аллахвердов).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

подразумевают, что оно выражается в слове (однако не скажешь же «высшее содержание»!). А под отражением вообще понимают что-то совсем другое, поскольку одновременно утверждается, что сознание может отрываться от непосредственного отражения действительности, что для сознания характерно активное, творческое отношение к миру. Подобные тексты, может, зачем-то и полезны, но, разумеется, ничего не определяют и уж никак не объясняют ни возникновение психики и сознания, ни их функционирование.

Объяснить психику и сознание — значит, рассматривая их как нечто непонятное, необъясненное, свести к чему-то заранее понятному, объясняющему. Но содержание сознания — самая очевидная вещь на свете. Чтобы его объяснить, очевидное придется сводить к чему-то иному, самому сознанию не данному, к неочевидному. Это выглядит абсурдным. Впрочем, объяснить надо не содержание сознания, а то, во что именно это содержание вкладывается, то есть само сознание как таковое. Если считать психику и сознание непонятным, то что же тогда следует принять за известное? Возможный ход: принять за понятное то, что лежит за пределами психики.

В сознании явно отражается окружающее. Так не попробовать ли объяснить природу сознания воздействием на него внешнего мира? Правда, в сознании содержатся лишь представления об этом мире, а не сам мир. Представленный в сознании мир не в полной мере эквивалентен действительности. Может, возникающие искажения как раз и характеризуют деятельность психики, поставляющей эти представления в сознание, или даже деятельность самого сознания? Эта идея вдохновила Фехнера, решившего построить точную теорию об отношениях между физическим и психическим мирами. И получить не прямую, а логарифмическую зависимость между физической интенсивностью раздражителей и субъективным миром ощущений. А поэтому он смог хотя бы отчасти ответить на вопрос: что делает психика? Она, по Фехнеру, логарифмирует интенсивность стимула перед его поступлением в сознание.

По пути Фехнера пойдут Гельмгольц, Эббингауз и многие другие. Предложенный подход своеобразно трансформируется у гештальтистов (у них воздействует уже не отдельный стимул, а целостная ситуация — «психологическое поле» окружающих человека предметов) и дойдет до ранних когнитивистов, которые утверждали: человек перерабатывает информацию поэтапно, а задача психологов — понять, каким преобразованиям подвергается стимульная информация при переходе от одного этапа к другому. Но вот беда. Ведь если окружающая среда непосредственно порождает сознание человека (пусть с помощью логарифмических, топологических или любых других математических преобразований), то сознанию приписывается роль пассивного приемника информации. Ведь само сознание никакой активности не проявляет и никак ни на что не влияет. Что же тогда оно делает? Как возникло? Ответов нет. А тут еще в рамках когнитивных исследований последних десятилетий показано, что человек часто вначале неосознанно принимает решения и лишь потом их осознает. Это удалось показать даже при принятии таких решений, которые традиционно считались прерогативой сознания: в задачах понимания смысла текстов, вынесения моральных суждений и установления социальных связей. В итоге подобных исследований стало лишь еще более непонятно, зачем же сознание нужно и делает ли оно хоть что-нибудь.

Попробовали пойти другим путем. Пытались (и до сих пор тщетно пытаются) объяснить сознание физиологией. Мозг, как заметил И. М. Сеченов, — просто машина, пусть и очень сложная. А психика и сознание — это всего лишь продукты работы мозга. Правда, вслед за Сеченовым уверяют нас сторонники такого подхода, мы еще мало знаем о том, как работает мозг, но только на этом пути сможем понять сознание. Тем самым оказывается, что мозг принимает за нас все решения, а, значит, все усилия сознания, направленные на достижение тех или иных целей, не имеют смысла. Свобода сознания в принятии решений не более, чем самообман (так и написал Сеченов, а затем повторяют его последователи).

Но, значит, сознание не может нести ответственность за принятые решения. Если это так, нас всех следует признать невменяемыми. Сказанное принципиально противостоит взгляду на человека, созданного культурой, и никак не соответствует переживаемым людьми субъективным представлениям. Все это вызывает недоумение и требует серьезного обоснования. Но теоретического обоснования как раз и нет. Существующие доказательства, по сути, не отличаются от известного утверждения чеховского героя «иначе быть не может, потому что не может быть никогда». И нет даже никаких идей о том, каким образом физиологические процессы могут породить субъективные переживания. Никто не знает, почему некоторые процессы освещаются сознанием, а другие идут в темноте. Разумеется, мозг является необходимым условием существования сознания. Однако нет ни теоретических, ни эмпирических, ни прагматических оснований для признания этого условия причиной существования сознания. Если, разумеется, не считать прагматическим основанием желание теоретиков не затруднять себе жизнь трудными проблемами.

Может, сознание — это просто эпифеномен, побочное явление, сопутствующее физиологическим процессам, но не оказывающее на них никакого влияния? Это и сегодня достаточно популярное объяснение удивительно: законы физиологии и законы сознания тогда должны быть идентичны друг другу, что всегда казалось странным критикам параллелизма. Но главное — это утверждение противостоит принципу простоты (согласно И. Ньютону, «природа ничего не делает понапрасну»). Оно требует для своего принятия очень мощных доказательств, каковых-то как раз нет. Конечно, в некоторых случаях можно показать, что воздействие на мозг влияет на появление субъективных переживаний. Можно обнаружить связь этих переживаний с теми или иными регистрируемыми физиологическими показателями. Физиологические измерения могут также служить показателем протекающих в мозгу не поддающихся осознанию процессов. Но все это никак не доказывает, что деятельность сознания детерминирована мозгом. К тому же, существуют не менее убедительные примеры обратного воздействия сознания на мозг и организм. Вызванные субъективные переживания могут, например, изменить электрическую активность мозга при внушении другого возраста или образовать волдыри от внушения несуществующего ожога. Любой врач скажет, что стремление выздороветь и уверенность в выздоровлении — важнейшее условие излечения. Любой спортсмен отметит влияние психологического настроения на достижение высоких результатов. Наше сознание играет ключевую роль в нашей жизни, и признать его рабом мозга — не слишком ли оторваться от реальности?

Может быть, сознание стоит объяснять, опираясь на биологическую целесообразность его появления? Многие физиологи и, к удивлению, даже психологи так

и утверждали: главная цель, стоящая перед человеческим организмом, как и перед любым биологическим существом, — выжить. Естественно, чтобы организм вообще преследовал хоть какую-нибудь цель, есть необходимое условие: данный организм должен жить. Но все люди, тем не менее, умирают. И нет однозначного критерия, позволяющего определить, кто из ранее живших людей выживал или адаптировался лучше. Кто: кавказские долгожители или поэты, живущие «на разрыв аорты»? Фармацевты или стеклодувы? Ханы Золотой Орды, оставившие многочисленное потомство, или римские папы, давшие обет безбрачия? Раз нет критериев, то человек не может определить, что именно он должен делать, чтобы выживать эффективнее. Сформулированная цель не задает никакого поведения.

Однако описание сложной системы как направленной к некоей цели имеет смысл только тогда, когда оно предсказывает новое или хотя бы упрощает описание известных экспериментальных данных. Представление о выживании как о цели человека в психологии ничего не предсказывает и никакого удобства для исследователя не создает. Увлечение квазибиологической терминологией своей кажущейся логичностью только сбило с толку не одно поколение психологов.

Как же пытаются объяснить возникновение сознания исходя из биологических соображений? Логика примерно такова: чем выше на эволюционной лестнице находится животное, тем в более сложную среду, в более жесткие условия борьбы за существование оно попадает. А потому, чтобы выжить, должно использовать все более совершенные средства приспособления — психику и сознание. Но это абсурдное объяснение. Ведь если животное уже приспособлено к сложной среде без всякой психики и сознания, то ему ни психика, ни сознание не нужны. Если же животное к этой сложной среде не приспособлено, то оно просто не выживет, а потому не сможет породить психику, сознание, социальные отношения и т. п. Ну, а если у животного еще до попадания в сложную среду психика и сознание уже есть, то вся конструкция не объясняет ровным счетом ничего. Зачем вообще животное продвигается по эволюционной лестнице, если оно попадает там в более жесткие условия и ему только труднее в них выжить? Есть экзотические ответы, но (в рамках синтетической теории эволюции) нет хороших. Не удивительно, что склонявшийся к биологической трактовке У. Джеймс приходит к печальному выводу: сознания как какой-то особой сущности вообще не существует.

Может, сознание — следствие социальных процессов? Правда, такая трактовка совсем уж невероятна. Получается, что в филогенезе сознание появляется вследствие каких-то возникших на заре человечества социальных процессов. Значит, наши древние предки, еще напрочь лишенные сознания, все-таки смогли создать неведомые в животном мире социальные отношения, смогли в совершенно бессознательном состоянии начать совместно трудиться, а то и беседовать друг с другом. А если они все это смогли, то что им мешало продолжать свою бессознательную социальную жизнь? Зачем им понадобилось сознание? Да и все равно непонятно, как они могли его создать? В том-то и проблема: социальные процессы, безусловно, оказывают огромное влияние на содержание сознания, но совершенно неясно, как они могут его породить.

В эту логическую ловушку попадает Л. С. Выготский. Он строит теорию сознания и уверяет, что именно социальное взаимодействие порождает сознание. Исходная внешняя социальная деятельность постепенно погружается вовнутрь

(интериоризуется), переходит во внутренний (идеальный) план. Но катастрофа! Для того чтобы погрузиться вовнутрь, этот внутренний план уже должен существовать. А ведь если пытаться объяснить сознание, то нужно объяснить именно существование этого внутреннего плана!

В общем, редукция сознания к физиологическим, биологическим, физическим или социальным основаниям пока успеха не принесла, да, похоже, и не сможет его принести. Так возникают попытки найти собственно психологические причины психической жизни и сознательной деятельности. Эту линию активно проводил В. Вундт. Он полагал: то, что дано сознанию, в полной мере может быть известно только носителю сознания. Ведь никто не может точно знать, что именно чувствует конкретный человек, когда он влюблен, когда у него болит зуб или когда он слышит трели соловья. Поэтому все способы изучения сознания вне границ самого сознания являются и ненаучными, и непродуктивными. И далее рассуждал так: химики уверенно разлагают вещество на элементы, не слишком задаваясь вопросом, что такое вещество и откуда оно произошло. И достигают при этом поразительных результатов (как раз к началу психологических разработок Вундта Менделеев открыл Периодический закон). Может быть, как только удастся разложить содержание сознания на неделимые составляющие элементы, то удастся построить химию души, то есть единообразно описать структуру любого сознательного явления и открыть законы сознательной деятельности.

Однако сам же Вундт показал, что человек воспринимает в своем сознании не только то, что он ясно осознает, но и нечто другое, воспринимаемое более или менее смутно. Наблюдая за поведением, мы можем заметить, что вообще не все воспринимаемое человеком им осознается. Наблюдение над собственными мыслями, как показали вюрцбургцы, в принципе не дает возможности обнаружить причины, побуждающие мысль направляться к своей цели именно таким путем, а не иным. Значит, не все аспекты работы сознания могут быть изучены с помощью сознания. Как же тогда объяснить происходящее в сознании, опираясь только на то, что человек осознает? Неужели надо строить химию души отдельно для ясных содержаний сознания, отдельно для смутных и отдельно для неосознаваемых?

Допустим даже, что удалось бы выделить все элементы сознания. Правда, только Э. Титченер уверял, что знает 44 420 сенсорных элементов, из которых «без пропусков и излишков» состоит сознание и которые в разных комбинациях порождают все восприятия, мысли и эмоции. Но, во-первых, такое количество элементов связать единым законом вряд ли реалистично (Менделеев мучился всего-то с сотней элементов). А во-вторых, комбинацией элементов из фиксированного набора не удастся породить принципиально новые идеи, например научные или религиозные. Подход Вундта привел совсем уж в беспросветный тупик, хотя на этом пути и были обнаружены яркие эмпирические феномены.

Французская психологическая школа пошла иным путем. Раз мы не знаем, что такое психика и сознание в норме, то давайте присмотримся к естественному эксперименту, поставленному природой, — к отклонениям от психической нормы. Только изучая отклонения, мы можем понять, что же есть норма. Путь этот, однако, тоже не мог привести к серьезному успеху. Ведь даже если кто-то догадается, что, по его мнению, есть норма, как он сможет это доказать? А если мы не знаем, что такое норма, то у нас, кстати, нет и критерия, позволяющего однозначно установить

наличие отклонений. И все же этот подход обогатил психологию шокирующими данными и любопытными идеями. Вот, например, П. Жане наблюдает у больной состояние кататонической обездвиженности: она может держать совершенно неподвижной поднятую руку в течение двадцати минут и продолжает так ее держать, даже если вложить в эту руку шляпу или книгу. Что это говорит о норме? Если подобное может делать больной, замечает Жане, значит, это же может сделать и здоровый. В норме все люди умеют находиться в состоянии кататонии, например сидеть, держа в течение длительного времени неподвижно голову, не свешивая ее на грудь. Чего же не может больной? Он не умеет прерывать состояние кататонии.

3. Фрейд смутил психологию принципиально иной идеей. Он исходил из того, что можно как эмпирически, так и на клинических примерах показать: не всегда то, что сознанию кажется искренним объяснением своих поступков, в действительности соответствует реальной причине его действий. Значит, хотя бы иногда сознание нас обманывает. Фрейд все время говорил о себе: я естественник. Поэтому, уверял он, мы должны, как это и положено в естественной науке, все показания сознания подвергать сомнению и перепроверять. Что же тогда определяет причины поведения человека и причины появления мыслей в нашем сознании? Замечательный ответ: бессознательное, то есть то, о чем никто ничего не знает. А как можно непонятное объяснить неведомым? Для ясности задается логический круг. Сознание в психоанализе рассматривается как порожденное бессознательным (Юнг скажет так: его поздний потомок), а бессознательное как вытесненное из сознания (Фрейд уточнит: истинное бессознательное). Этот круг проявляется практически во всех построениях психоанализа. Поэтому К. Поппер объявит психоанализ ненаучным непроверяемым мифом (наряду с астрологией и марксизмом).

Психотерапевты гуманистического и экзистенциального направления, преодолев воздействие психоанализа, стали разрабатывать новые и вполне эффективные методы работы с клиентами. Человек, утверждали они, создает себя сам, сам решает свои проблемы и сам строит свою судьбу. Психотерапевт может только помочь ему стать тем, кем он хочет и способен быть. Эти новые методы опирались на представление о сознании, оперирующем смыслами и обладающем свободой. Роль сознания декларируется (ясное осознание ситуации является решающим фактором при принятии решения), но внятно логически не обосновывается. Эта роль лишь поясняется яркими примерами из жизни или психотерапевтической практики. Больной приносит с собой в кабинет консультанта свой мир. Любой психотерапевт («если он хороший психотерапевт», — добавляет Р. Мэй), должен уметь понимать, в каком мире живет пациент, то есть знать содержание его сознания.

При этом нерешенность логических проблем не слишком смущает. Принимается, скажем, что свободное действие не может быть ничем детерминировано. Тем не менее, соглашаются они, подлинно научная психология должна исходить из того, что любое действие человека детерминировано. Как разорвать это противоречие? Очень просто, заявляют они: свобода существует, несмотря на детерминизм. Человек, мол, предназначен реализовать свои возможности. Как, однако, он узнает, что то или иное его реальное действие ведет к достижению этой цели? Он чувствует «внутренний импульс», побуждающий это действие совершить, у него возникает специфическое «организмическое чувство», сообщающее ему, правильно ли он действует. Но ведь для того, чтобы эти чувства и импульсы могли успешно

работать, они сами должны получать какую-то информацию о поведении и иметь критерии для оценки. Однако об этом — ни слова. На таком пути не создать хорошей теории. Впрочем, и сами психологи-гуманисты легко признают теоретическую слабость и незавершенность своей позиции. Но, добавляя, она и должна таковой являться, дабы жесткий каркас теории не мешал им в реальном процессе психотерапии проникать в изменчивый мир другого человека.

В общем, поиск оснований сознания в психике также не привел к объяснению сознания. Что же делать? Бихевиористы решили спрятать голову в песок и объявить, что сама проблема неправильно поставлена. Изучать можно только непосредственно наблюдаемые явления, заявили они, очарованные и позитивизмом, и учением Павлова. Психику и сознание нельзя наблюдать, поэтому говорить о них бессмысленно, а изучать невозможно. Мыслительные процессы? Да они являются просто моторными навыками гортани. «Можно еще сотню лет обсуждать, есть ли психические качества у муравьев, — восклицал Дж. Уотсон. — Зачем?» Все равно не существует никакой эмпирической процедуры, позволяющей найти ответ на этот вопрос.

Позитивизм боролся с плохо определенными понятиями, противостоял философскому словоблудию, впервые ясно провозглашал канон научности. В начале XX в. под его интеллектуальное обаяние попали лучшие ученые-естественники. И лишь потом заметили, что позитивистский подход выхолащивает науку. Ведь если поверить позитивистам и сводить все к непосредственно наблюдаемым явлениям, то теорий вообще не может быть. Все построения должны представлять собой лишь совокупность зарегистрированных в протоколах данных наблюдения и выглядеть, издевались оппоненты, наподобие телефонного справочника или расписания движения поездов. Правда, бихевиористы создали современную технику описания экспериментальных данных и разработали основные методы их статистической обработки. Но их построения не соответствуют даже принятым ими же самими канонам научности. Большинство понятий бихевиористов, с помощью которых они якобы описывают наблюдаемый опыт, сами непосредственно не наблюдаемы. Уже все механизмы, описанные И. П. Павловым, были, как замечает П. К. Анохин, всего лишь гипотезами о ненаблюдаемых механизмах корковой деятельности. Кстати, сознание более наблюдаемо, чем условные связи и укрепляющиеся следы в памяти. Ведь даже самый заядлый бихевиорист уверенно знает, что у него есть сознание. Но зачем же тогда они объявили ненаучным представление о сознании? Да и применяемые ими математические методы уже опираются на ненаблюдаемое, поскольку все математические термины умозрительны.

Бихевиористов при этом постоянно тянуло описывать свои результаты в физиологических терминах, что как бы придавало им большей научности, но не имело никакого отношения к психологии. Ведь бихевиористы строили странную психологию, лишённую психики и сознания. И получили теоретический пшик. Бихевиоризм не смог создать ни одной хорошей теории. Его «золотым коньком» объявляют теорию научения. Казалось бы, теория должна была бы разрешить главный парадокс научения: если человек умеет делать то, чему научается, то ему незачем учиться, а если не умеет, то и не научится, поскольку не может сделать то, чего он делать не может! Но этот парадокс даже не обсуждается. Бихевиористы, если опустить непринципиальные тонкости, описывают, например, сенсомоторное научение так: человек путем многократного повторения одних и тех же действий постепенно на-

учается делать эти действия все лучше и лучше. Это абсурдно! Если повторяются одни и те же действия, то они не могут совершенствоваться. В общем, лучшая теория бихевиористов, если к ней внимательно приглядеться, больше напоминает не слишком остроумную шутку, чем теоретическое высказывание.

Расцвет информационных технологий убедил психологов в существовании ненаблюдаемых когнитивных преобразований при решении разных задач. И это привело к когнитивистскому буму. Но, к сожалению, в исходных положениях когнитивного движения никогда не было сформулировано, чем же когнитивизм отличается от других течений. Разве лишь одно выраженное отличие от бихевиоризма — возвращение к экспериментальному изучению сознания. Выбирая термин «когнитивная», отцы-основатели когнитивного подхода намеренно противопоставляли себя бихевиоризму. (Они даже вначале хотели использовать термин «ментальная».) В психологию еще до когнитивного переворота проникают слова, непосредственно не переводимые на бихевиористский язык: когнитивные схемы, познавательные установки и т. д. А проведенные в рамках когнитивного подхода исследования привели к обнаружению ярких феноменов, требующих изменить привычное представление о психической реальности.

И все же, когда объединяешься «против» чего-либо, а не «за», трудно рассчитывать на взаимопонимание. Понимание того, чем должна заниматься когнитивная психология, постепенно исчезало. Отцы-основатели первыми почувствовали неладное. Дж. Миллер предупреждал: предмет психологии трагически невидим, а наука с невидимым содержанием грозит превратиться в невидимую науку. Отцы-основатели первыми почувствовали, что произошло нечто неладное. Дж. Брунер разочаровался в когнитивистике и занялся, на его взгляд, более важным делом — нарративными исследованиями, резко критикуя когнитивизм за отсутствие интереса к проблеме значения. У. Найссер уже в 80-х гг. заявил, что когнитивный подход не привел психологию к заметному прогрессу. Мол, даже в такой развитой области психологии, как психология памяти, большинство с таким трудом добытых результатов уже известно по собственному опыту детям, посещающим детский сад. Сегодня многие авторы вообще уверяют, что когнитивизм просто является частью наследия бихевиоризма, его позднейшей формой. В итоге противопоставление бихевиоризму — то единственное, что в исходе связывало когнитивистов воедино, — обратилось в прах. Что же произошло?

Беда когнитивистов в том, что им не удалось объяснить природу психики и сознания. Не имея объединяющей теории, когнитивисты с перепугу стали описывать когнитивные процессы как сводимые к физиологии. Они словно боялись, что раз сами не могут осуществить объяснительный прорыв, то придет нейрофизиолог и все объяснит без них. А уж что началось после появления в самом конце 80-х методов функциональной магнитно-резонансной томографии, транскраниальной магнитной стимуляции и пр., и пр. Когнитивная психология стала терять свою специфику и превращаться в придаток нейронауки. В психологических лабораториях стали делать огромное количество физиологических измерений, чаще всего не оправданных никакой логикой, но зато их наличие стало пропуском к публикации в престижных журналах. Но ведь в ту же сторону смотрели и бихевиористы! Не имея собственных объяснительных теорий, они также искали объяснения у соседей-физиологов (у которых таких теорий, как уже говорилось, найти не удается).

Когнитивисты вслед за бихевиористами увлеклись построением математических моделей не понимаемых ими процессов. Как известно, по любому набору данных всегда можно построить множество разных моделей. А поскольку сам моделируемый процесс непонятен, то выбор модели, к сожалению, определяется не теоретическими представлениями, а теми разделами математики, с которыми знакомы авторы публикаций. Правда, в качестве обязательного требования к таким моделям часто добавляется еще требование «биологического правдоподобия». Стоит ли удивляться, что когнитивизм стал выглядеть в глазах многих как осовремененный вариант бихевиоризма?

Бренд термина «когнитивный», тем не менее, становился все более популярным. В университетах курсы общей психологии стали заменяться курсами когнитивной психологии. Слово «когнитивный» стало настолько модным, что его вставляют куда угодно. А сама когнитивная психология — например, по классификации РФФИ — трактуется как едва ли не единственный в психологии пример естественнонаучного подхода. Поэтому психологи, подавая заявку на грант в этот фонд, перед любой темой исследования просто ставят слово «когнитивная» или даже «когнитивные механизмы». Как эксперт РФФИ, прихожу в ужас, читая подобные заявки.

И все же в построениях когнитивистов было нечто подлинно революционное. Философ В. А. Лекторский так сформулировал когнитивистскую посылку: когнитивная психология понимает познавательные процессы как лежащие в основе всех психических функций, в том числе эмоций, мотивации, воли. Я предлагаю еще более жесткое утверждение (пусть отцы-основатели ничего подобного и не говорили): психика и сознание являются необходимыми инструментами познания, и объяснять их функционирование нужно только логикой познания. Когнитивный подход в такой его радикальной версии означает, в частности, что главная цель, стоящая перед человеком, наделенным психикой и сознанием, — познание.

Введем, как это положено при построении любой теории, идеализацию. Будем рассматривать человека как идеальное познающее существо, не имеющее никаких ограничений на возможности познания. Его мозг (как и весь организм) тоже будем рассматривать как идеальный, как не имеющий никаких ограничений на объем принимаемой информации, на скорость ее переработки, на время хранения и т. д. Всякая идеализация коварна. Когда астрономы, например, принимают галактику за материальную точку, не имеющую длины и ширины, то они, конечно же, знают, что это не так, но такая идеализация позволяет обращать внимания на несущественные для их построений детали. Вводимая нами идеализация тоже заведомо неверна, поскольку, конечно же, на мозг и организм человека наложены определенные ограничения. Введение идеализации позволяет, однако, поставить важный вопрос: для чего идеальной познающей системе понадобились какие-то дополнительные механизмы, которые можно отождествить с психикой и сознанием?

Посмотрим на процесс познания. Чтобы познавать, вначале надо уметь познавать. Способ познания тем самым предшествует процессу познания. Однако способов познания много, а выбрать из них наилучший в принципе невозможно. Это показывают математики для разных поддающихся формализации случаев. Но главное: даже если кто-нибудь предложит алгоритм познания и объявит его наилучшим, то нет возможности это доказать, поскольку не существует единственного

критерия эффективности познавательной деятельности. Нельзя даже дать однозначную оценку правильности полученных результатов познания. Как, например, результаты познания, данные сознанию, можно сопоставить с реальностью? Ведь сознание содержит только представления о реальности, а не саму реальность, и нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет. Если бы заранее было известно, что должно получиться в итоге познавательной деятельности, то было бы ясно, какие знания надо сохранять, а какие — изменять. Но тогда и процесс познания не нужен. Итак, результат познания зависит не только от того, что познается, но и от способа познания. Отсюда проблема: как возможно элиминировать влияние способа познания на результат познания?

Идея решения восходит к И. Канту: в основе познавательной деятельности человека должны лежать принципиально разные схемы познания, использующие разную информацию, разные алгоритмы, разные механизмы обратной связи. Тогда, если полученные результаты согласуются друг с другом, можно надеяться, что получаемый результат зависит от реальности, а не от способа познания. Сами эти способы познания работают автоматически и параллельно, для их осуществления никакие специальные механизмы вроде психики или сознания не нужны. Назовем этот уровень познания базовым.

Но ведь необходимо еще сопоставлять между собой результаты, полученные столь разными способами. Именно ради этого было сделано предположение о независимых схемах познания. Никаких изначально заданных правил перевода с языка одного способа познания на другой не может существовать (иначе нельзя говорить о независимости этих способов друг от друга). И вновь проблема: если все независимые схемы познания на базовом уровне не получают информации о результатах сопоставления, то их работа не может корректироваться. А если они получают сообщение об этой зафиксированной связи, то далее они становятся связанными друг с другом и теряют свою независимость. Возможный выход: формируется качественный сигнал не о конкретном результате, достигнутом в данный момент, а о работе базового уровня в целом. И никакие конкретные количественные оценки (о том, например, что и насколько надо изменить) передаваться на базовый уровень не могут. В случае положительного сигнала работа на базовом уровне продолжается без существенных изменений, а в случае отрицательного перестраивается, но перестраивается очень разными способами, поскольку сигнал не сообщает, что именно надо изменять.

Сам качественный сигнал отчасти даже напоминает внутренний импульс гуманистов, поскольку он сообщает о правильности-неправильности происходящих процессов в целом. Однако его точнее отождествить с эмоцией — хотя никто толком не знает, что такое эмоция, но все согласны, что она выполняет функцию оценки и субъективно переживается. Почему нечто субъективно переживается — неизвестно. Но, по крайней мере, отождествляя сигнал с эмоцией и предполагая, что он субъективно переживается, всю так называемую «трудную проблему сознания» — возникновение субъективных переживаний и осознанности — можно сузить до проблемы возникновения эмоциональных оценок. Уровень познания, где происходит сопоставление результатов способов познания базового уровня, условно назовем психическим. Заметим, что сопоставляться могут только фиксированные результаты, неизменные хотя бы в течение времени сопоставления. Поэтому мы

предполагаем, что основной способ работы с информацией на психическом уровне — разбиение поступающих с базового уровня результатов на разные, но обязательно дискретные части, на кванты.

Те объемные, временные и пороговые ограничения по приему, хранению и переработке информации, которые мы наблюдаем в экспериментах, отнюдь не определены мифическими и никем никогда не регистрируемыми ограниченными ресурсами, о которых так часто говорят когнитивисты и физиологи. Эти ограничения связаны прежде всего с тем, что психика, квантуя поступающую к ней информацию, обязательно строит границы. Заметим, что граница может быть проведена только в том случае, когда известно, что находится по обе стороны от нее. И мы в экспериментах получаем, например, что человек воспринимает и обрабатывает сенсорную информацию, которую при измеренных у него сенсорных порогах он вообще не способен воспринимать. При одной и той же *физической* интенсивности стимула мы можем субъективно изменить эту интенсивность, например, за счет иллюзий, установок и т. д. — и от этого изменятся сенсорные пороги испытуемых. Это было бы невозможно, если бы сенсорные пороги определялись возможностями органов чувств. Мы показываем, что испытуемый помнит то, о чем забывает, способен почти мгновенно, не осознавая этого, совершать достаточно сложные семантические и математические преобразования и т. д., и т. п.

Созданные на психическом уровне дискретные конструкты тоже должны подвергнуться независимой проверке: они проверяются на непротиворечивость. Назовем этот уровень познания уровнем сознания. На этот уровень отбираются только те психические конструкты, которые или не вступают в противоречие с ситуацией, определенной сознанием, или сознание с помощью логических процедур избавляется от противоречия. Эффективность деятельности на психическом уровне оценивается по востребованности психических конструктов на уровне сознания. Если никакие новые конструкты не принимаются, то это сигнализирует психике о неправильности всех ее результатов (и, соответственно, об ошибочности результатов на базовом уровне). И психика перестает генерировать положительные эмоциональные сигналы. Поэтому как только сознание упорно выбирает только один какой-либо психический конструкт (по сути, доведенная до абсурда стратегия сохранения знаний), так этот конструкт перестает сопровождаться эмоциональным сигналом и, соответственно, перестает осознаваться.

И действительно, содержание сознания непрерывно изменяется, оно течет, как говорил У. Джеймс, непрерывным потоком. Никому не удастся долго думать одну и ту же думу. Известно множество экспериментальных феноменов, подтверждающих, что осознаваться может только изменяющаяся информация, а неизменная информация ускользает из сознания. Так, не меняющееся по яркости и цвету изображение, стабилизированное относительно сетчатки, перестает осознаваться через 1–3 с после начала предъявления. Постоянный раздражитель умеренной интенсивности, действующий на слух или на кожу, очень скоро перестает замечаться. Цветовой фон при продолжительной фиксации теряет свою цветность и начинает выглядеть серым (феномен цветовой адаптации). Многократное повторение одного и того же слова приводит к субъективному ощущению утраты смысла этого слова (феномен семантической сатиации). Многократно повторяемые действия автоматизируются, то есть перестают осознаваться. Поместите испытуемого в си-

туацию полной сенсорной изоляции — он либо быстро заснет, либо начнет галлюцинировать. Предъявите испытуемому ряд знаков и потребуйте, чтобы он их постоянно держал в сознании (помнил) — и уже через небольшое время часть этих знаков уйдет из сознания, то есть будет забыта (этот последний пример не объясняет природу забывания, но показывает, что для объяснения забывания необязательно вводить непроверяемые бихевиористские допущения о разрушении следов, их хрупкости и пр.).

Основная работа сознания — избавление от противоречий. Важно, однако, чтобы в результате не возникали какие-то новые противоречия. Но это возможно, только если сознание работает с противоречиями всегда по одному, то есть сознание всегда последовательно. То содержание, которое в данный момент находится в сознании, всегда осознается как единственное. От него можно отказаться, только если есть другое конкурирующее представление, которое сознание примет, — и тогда уже это новое представление начнет восприниматься как единственное. Поэтому, например, при восприятии двойственных изображений или многозначных текстов, как показывают исследования, воспринимаются все значения, но в каждый момент времени осознается только одно. Поэтому человек неосознанно сглаживает возникающие когнитивные диссонансы. Стремление к непротиворечивости приводит сознание к стремлению подтверждать уже имеющееся знание и отвергать то, что ранее в этой же ситуации было отвергнуто. А психология пестрит афоризмами: «Мы видим только то, что понимаем», «Мир в нашем сознании искажается до узнаваемости» и т. д.

Разумеется, я не могу здесь подробно изложить предложенный подход. Надеюсь лишь, вспоминая известные слова Н. Бора, что этот подход обладает достаточной сумасшедшинкой, чтобы быть хоть чуть-чуть верным. Во всяком случае в нашей лаборатории удастся теоретически предсказывать весьма контринтуитивные экспериментальные результаты. Поскольку утверждается, что функционирование психики и сознания определяется логикой познания, то это позволяет искать единую логику во всех психических явлениях: и в возникновении сенсорных порогов, и в зарождении осознанных мыслей, и в пестроте желаний, и в сглаживании когнитивных диссонансов, и в формировании нравственного закона внутри нас. Опираясь на этот подход, был сформулирован ряд законов работы сознания, единообразно объяснено множество разрозненных, а то и противоречащих друг другу данных. Я надеюсь, что этот путь сможет привести нашу любимую психологию к тому, что она будет не просто замечательной наукой, но станет еще и логичной.

Статья поступила в редакцию 11 января 2016 г.